

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

1852-1855 годы творчества.

«Москвитянский период».

«Москвитянский период 1852-1854»

В это время Островский сотрудничал с редакцией журнала «Москвитянин» (отсюда название периода), который издавали литераторы, близкие по своим воззрениям к славянофилам (М. Погодин, Аполлон Григорьев). Наиболее известное произведение Островского этого периода – «Бедность не порок» (1853). В москвитянский период усилился интерес драматурга к народной жизни и к фольклору. Его живо интересовали народные песни. С особым вниманием он изучал допетровские формы русского быта, отраженные в книге «Домострой». Именно в народной жизни Островский стремился найти свой идеал. Находясь под влиянием последователей славянофилов, писатель идеализировал патриархальный быт купцов и мещан, противопоставляя его жизни дворянства, устроенной на европейский лад.

А.Н.Островский.

«Москвитянин» — «учёно-литературный журнал», издававшийся в Москве М. П. Погодиным в 1841—1856 годах.

До 1849 года выходил ежемесячно, затем — два раза в месяц. С точки зрения советского литературоведения считался органом крупной торговой буржуазии 1840—1850-х гг. и стоял на позиции официальной народности. С 1850 года с журналом начал сотрудничать А.Н. Островский. С этого времени начался важный этап творческой деятельности драматурга. Тогда, после чтения комедии «Банкрот», вызвавшей восторженные отклики у слушателей, издатель «Москвитянина» Погодин, сумев усыпить бдительность цензора, напечатал её в мартовском номере журнала. Читающая публика узнала имя молодого начинающего драматурга А.Н. Островского.

Позже в «Москвитянин» были напечатаны пьесы «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок».

В этот период Островский вырабатывал свой почерк, искал новые драматургические формы, позволяющие разнообразить сценическое прочтение его пьес.

Однако ни один государственный театр не принимал к постановке пьесы Островского. Они были известны публике благодаря авторским читкам в салонах любителей театра, частным спектаклям. В.Ф. Одоевский свое восхищение произведением «Свои люди - сочтемся» («Банкрот») выразил так: «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкроте» я поставил номер четвертый».

В ходе экскурсии научный сотрудник покажет Вам портреты и фотографии членов «молодой редакции» «Москвитянина», изображения зданий, где проходили собрания редакции; экземпляр журнала, в котором была опубликована вторая пьеса драматурга «Банкрот»; уникальные афиши, фотографии сцен спектаклей по пьесам Островского, напечатанным в этот период.

Обложка журнала № 1 за 1845 год.

Для «москвитянских» пьес характерен известный утопизм в разрешении конфликтов между поколениями (в комедии «Бедность не порок», 1854, счастливая случайность расстраивает навязываемый отцом-самодуром и ненавистный для дочери брак, устраивает брак богатой невесты – Любви Гордеевны – с бедным приказчиком Митей). Но эта черта «москвитянской» драматургии Островского не отменяет высокого реалистического качества произведений этого круга. Сложным, диалектически соединяющим противоположные, казалось бы, качества оказывается образ Любима Торцова, спившегося брата купца-самодура Гордея Торцова в написанной значительно позднее пьесе «Горячее сердце» (1868). Одновременно Любим – провозвестник истины, носитель народной морали. Он заставляет прозреть Гордея, лишившегося трезвого взгляда на жизнь из-за собственного тщеславия, увлечения ложными ценностями.

В 1855 Александр Островский, не удовлетворенный своим положением в «Москвитянине» (постоянные конфликты и мизерные гонорары), покинул журнал и сблизился с редакцией петербургского «Современника» (Н. А. Некрасов считал Островского «бесспорно первым драматическим писателем»). В 1859 вышло первое собрание сочинений драматурга, принесшее ему и славу, и человеческую радость.

А.Н. Островский и Д.В. Григорович.

Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) хорошо известен историкам словесности и широкому читателю как автор хрестоматийных очерков, рассказов и повестей "Петербургские шарманщики" (1844), "Деревня" (1846), "Антон Горемыка" (1847), "Гуттаперчевый мальчик" (1883). Современники видели в нем первого - по значимости - бытописателя крепостной Руси, гуманно, правдиво и ярко показавшего горькую жизнь мужика. Именно в этом, считали они, состоит неумирающее значение и смысл всей его деятельности.

Время знакомства Григоровича и Островского точно неизвестно. Сведения об их встречах очень скупы. Но в своих воспоминаниях Григорович пишет, что он впервые встретился с Островским после знакомства с произведениями «Банкрот» и «Не в свои сани не садись» в один из своих приездов в Москву.

Навестив Островского, Григорович был удивлен: компания, или как он позднее назвал «шайка», которая находилась в это время в доме драматурга (Алмазов, Эдельсон, Григорьев, Горбунов), - встретила его довольно прохладно.

«На меня смотрели как на человека упавшего с луны и выдающему за новость то, что давно известно целому свету; похвалы мои двум комедиям выслушивались как младенческий лепет, как жалкое запоздалое эхо того восторга, который давно пробуждал гений Островского. Равнодушие слушателей сопровождалось даже оттенком иронии, улыбками и взглядами, которыми обменивались присутствующие. Один из них сообщил мне впоследствии, что неблагоприятному впечатлению способствовали не только неумеренная живость, с какою я передавал мои впечатления, но даже моя одежда, клетчатые панталоны и штиблеты, прикрывающие мои лаковые башмаки. В их глазах я собственно как литератор представлял мало интереса; во мне видели только петербургского франта, олицетворение жителя Петербурга, - города, в котором вообще нет разумного спокойствия; фраза эта была изобретена лицами из кружка Островского», - писал позднее Григорович.

Эта встреча предопределила отношение Григоровича не только к окружению драматурга, но и к нему самому - Григорович не смог простить к себе такого отношения со стороны друзей Островского. В дальнейшем Григорович не поддерживал никаких отношений с Островским и его окружением. Наиболее значимая встреча произошла в 1855 году в Петербурге, в редакции журнала «Современник», когда было заключено «обязательное соглашение» о сотрудничестве четырех довольно известных писателей: Островского, Тургенева, Л. Толстого, Григоровича.

И тогда, на «генеральном обеде», Григорович вдруг при всех обнял Островского и быстро заговорил: «Душечка, душечка Островский, так ты на меня не сердит, скажи, не сердит? Пусть я сплетник, пустой человек, пусть, душечка, так, - обратился он ко всем сидящим за столом, - только вы простите меня. Простите или нет? Если нет, так уж, душечки, уеду в Италию, приму католическую веру, буду валяться под чинарами да питаться апельсинчиками». Оказавшись таким неожиданным образом в дружеских объятиях Григоровича, драматург все простил своему обидчику. Тогда же у фотографа Левицкого (Львова-Левицкого) участники «обязательного соглашения» сфотографировались на память.

ГОНЧАРОВ И.А
ТУРГЕНЕВ И.С
ДРУЖИНИН А.В
ОСТРОВСКИЙ Н.А
ТОЛСТОЙ Л.Н
ГРИГОРОВИЧ Д.В